4 9 6 4

1962г.

9

Ёлка Митрича

По мотивам одноимённого рассказа Н. Д. Телешова

Художник Г. Коклюшкин

Производство студии „Диафильм", 1960 г.

В старой России многие крестьяне, пытаясь избавиться от нищеты, переселялись из родных деревень в малонаселённые районы, главным образом в Сибирь. Там они могли получить лучшие участки земли. Много месяцев шли переселенцы с семьями пешком, терпели нужду и лишения. От голода и болезней по дороге погибало много переселенцев, особенно детей.

О детях переселенцев рассказывается в этом диафильме.

3

С ранней весны до глубокой осени через город проходили переселенцы. Они были так бедны, что добрые люди выстроили им эти домики. Некоторые жили здесь больше месяца, дожидаясь очереди на пароходы.

К осени дома пустели, а к зиме не оставалось уже никого, кроме нескольких детей, неизвестно чьих, и сторожа Митрича.

На эту зиму у Митрича осталось восемь таких сирот.– „Вот уж непорядок, так непорядок! – рассуждал Митрич. – Куда теперь с таким народом деваться? Кто они такие?“

– „Как тебя звать?" – „Фомка". – „Как отца-то зовут?" – „Тятька". – Привычный к таким ответам Митрич вздыхал, гладил ребёнка по голове и говорил: „Родителей-то, знать, потерял, дурачок..."

– „А твой отец где?" – „Помер". – „Помер? А мать куда девалась?" – „Померла". – „Тоже померла?"

Потом сирот допрашивал переселенческий чиновник и тоже пожимал плечами. Куда их девать? Откуда они? Никто этого не знал.

Ребятам отвели самый маленький домик. Здесь и затеял Митрич устроить сиротам ради праздника ёлку, какую он видывал у богатых людей.

Был канун рождества. Жена Митрича, Аграфена, хлопотала, готовясь к празднику. – „Ну, баба, какую я штуку надумал!“ – весело проговорил Митрич.

– „Чем штуки-то выдумывать, взял бы метёлку да вон паутину бы снял!" – „Паутина не уйдёт, смету... А ты слышь-ка, баба, что я надумал-то!"

– Я говорю, праздник подходит... А вот, говорю, ребятишкам-то, выходит, и нет настоящего праздника... Гляжу я на них да и думаю, почему такое – всякому человеку радость, а сироте – ничего.

–Надумал я, баба, ребятишек потешить. Думаю себе, баба: лес у нас близко... срублю себе ёлочку да такую потеху ребятишкам устрою, что весь век будут поминать Митрича!

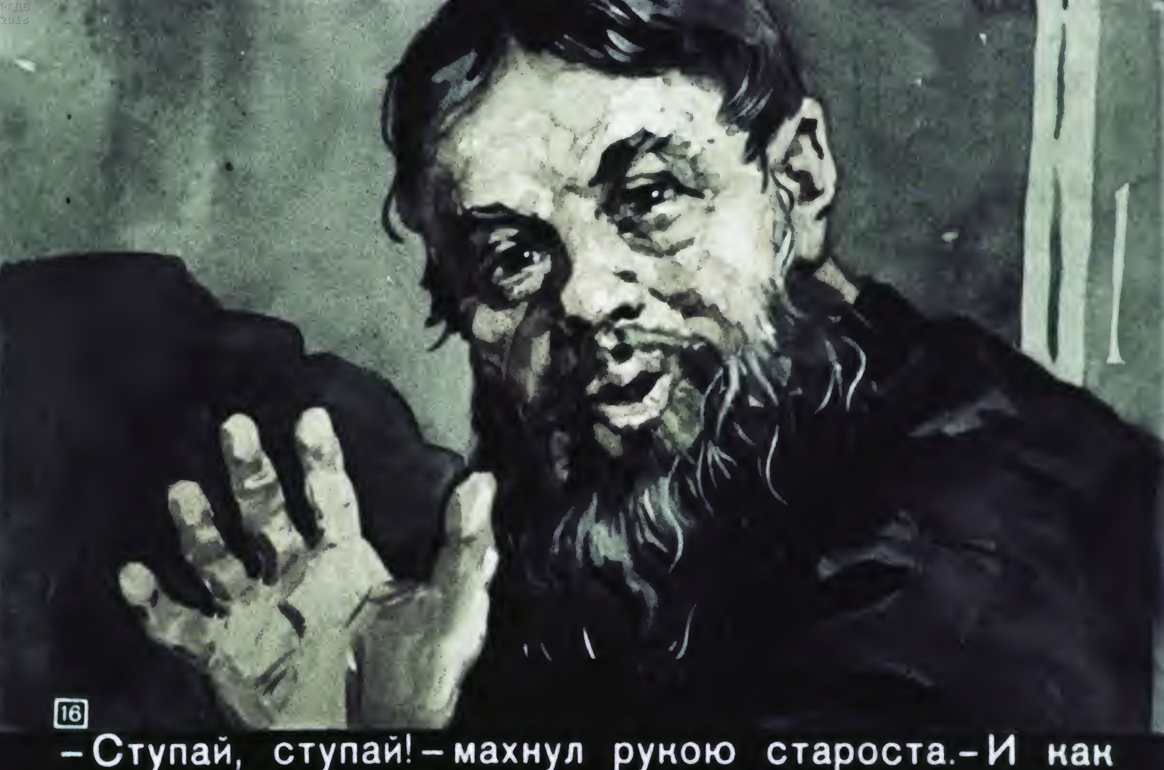

14

Митрич прежде всего отправился к церковному старосте: „Я, стало быть, сторож переселенский... Восемь сироток осталось... Не откажите доброму делу... Прикажите выдать горсточку огарков, самых махоньких".

–„На что тебе огарки?“–удивился староста.–„Удовольствие хочется сделать: ёлку зажечь, вроде как у путных людей. Ведь огарочки, Никита Назарыч...“

16

– Ступай, ступай! – махнул рукою староста. – И как тебе в голову такая дурь пришла! Свечи-то, небось, перед иконами горели, а тебе их на глупости дать?

Митричу было очень обидно. Он подошёл к церковному сторожу: „Какой же тут грех, коли я огарок возьму? Сиротам прошу, не себе. Пусть бы порадовались..."

– „А каких тебе огарков-то? – спросил сторож. – Совсем махоньких, говоришь?“ – „Да всё одно, хошь самых махоньких. Доброе дело сделаете. Ни отца, ни матери... Прямо – ничьи ребятишки“.

Через десять минут Митрич шёл уже городом с полным карманом огарков, весело улыбаясь и торжествуя.

20

– Восемь детей, – рассуждал Митрич, загибая на руках корявые пальцы, – стало быть, восемь конфет... Ладно, баба! – подумал он вслух. – Ты у меня посмотришь!

И, засмеявшись, Митрич пошёл навестить детей. —
„Ну, публика, здравствуй! С праздником!“

В ответ раздались дружные детские голоса, и Митрич, сам не зная чему радуясь, растрогался. – „Ах вы, публика, публика!.. – шептал он, утирая глаза и улыбаясь. – Ах вы, публика этакая!“

Утром Митрич ходил в город, чтобы купить для детей конфет, а для себя – водки и колбасы. Колбасу он очень любил, но покупал её редко и ел только по праздникам.

А в полдень Митрич шёл уже из лесу с ёлкой на плече. И ёлка, и рукавицы, и борода Митрича заиндевели. Он шёл ровным, солдатским шагом. Ему было весело, хотя он и устал.

Не сказываясь жене, Митрич принёс ёлку прямо в сарай и приладил её, чтобы стояла.

Когда всё было готово, Митрич притащил ёлку к детям. – „Ну, публика, теперь смирно! – сказал он. – Вот маленько оттает, тогда помогайте“.

27

Дети глядели и ничего не понимали. А Митрич всё прилаживал да приговаривал: „Что?.. Небось, думаешь, публика, что Митрич с ума сошёл? Зачем, мол, тесноту делает?"

28

Когда ёлка согрелась и в комнате запахло свежестью и смолой, детские лица, печальные и задумчивые, внезапно повеселели. Они с любопытством смотрели, как Митрич привязывал огарки нитками.

– „Ну-ка, ты, кавалер! – весело обратился он к мальчику. – Давай-ка сюда свечку...“ – „И я! И я!“ – послышались голоса.

30

– Ладно, – согласился Митрич. – Один держи свечки, другой – нитки, третий давай одно, четвёртый – другое... Вот мы, значит, все и будем при деле.

Кроме свечей, на ёлку повесили восемь конфет. Однако, поглядев на них, Митрич сказал: „А ведь... жидко, публика?" – Он молча постоял и, вздохнув, опять сказал: „Жидко, братцы!"

– Гм! – рассуждал он, бродя по двору. – Что бы это сделать?.. – Вдруг ему пришла такая мысль, что он даже остановился. – А что, – сказал он себе. – Правильно будет или нет? – Выходило будто правильно.

– Ладно! Отрежу всякому по кружочку колбасы и повешу на ниточке. И хлебца по ломтику отрежу – и тоже на ёлку.

И недолго думая Митрич решился. Хотя он очень любил колбасу и дорожил всяким кусочком, но желание угостить сирот пересилило всё.

35

Вечером ёлку зажгли. Запахло топлёным воском, смолой, зеленью. Всегда угрюмые и задумчивые, дети радостно закричали, глядя на огоньки.

36

А когда Митрич велел им плясать вокруг ёлки, они, схватившись за руки, заскакали и зашумели. Смех в первый раз оживил эту мрачную комнату.

37

Даже Аграфена в удивлении всплёснивала руками, а Митрич, ликуя от всего сердца, покрикивал: „Правильно, публика!.. Правильно!“

Затем он взял гармонику и, наигрывая, запел:

Жили были мужики,
Росли грибы рыжики.

Хорошо, хорошо,
Хорошо-ста, хорошо!

Наконец Митрич скомандовал: „Публика! Подходи в очередь!“–Снимая с ёлки по куску хлеба и колбасы, Митрич оделил всех детей.

– Публика! Свечи догорают. Берите по конфетке – и спать.– Дети бросились к ёлке, а Митрич шепнул Аграфене: „Хорошо, баба! Прямо можно сказать: правильно!“

Душа его переполнилась такою радостью, что он не помнил, бывал ли ещё когда-нибудь в его жизни этакий праздник.

И в жизни „ничьих детей“ это был единственный светлый день.

Ёлку Митрича они никогда не забудут!

Сценарий В. Яковлевой

Редактор Е. Кавтиашвили

Художественный редактор А. Морозов

Д-467-60

Б06434

Студия „Диафильм"

Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7